

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Ю. В. Латов¹

Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

УДК: 94(47) 05

ПЕТРОВСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ — «ВОЕННОЕ ЧУДО» ВМЕСТО «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА»?

В современной России Петр Великий, согласно данным репрезентативных социологических опросов, считается самым лучшим деятелем за всю историю страны, существенно опережая в популярности даже отечественных политиков XX–XXI вв. Эта очень высокая «народная» репутация существенно противоречит взглядам общественников, которые видят в Петре I не столько успешного национального реформатора, «революционера на троне», сколько неразборчивого в средствах деспота, на века связавшего модернизацию страны с усилением государственного принуждения и с тяжелыми войнами. Однако компаративистский подход показывает, что другие страны догоняющего развития в XVIII–XX вв. тоже, как правило, шли по пути не эволюционного реформирования, а именно радикальных реформ, направленных в первую очередь на усиление армии. Петровская Россия на этом фоне выделяется лишь тем, что она самой первой выбрала «модернизацию ради военных побед» и потому со времен Петра I остается в числе «великих держав» вопреки постоянному социально-экономическому отставанию. Правомерность этого выбора можно обосновать при помощи мир-системного анализа, акцентирующего внимание на большой роли национального суверенитета для успеха догоняющей модернизации. Фактически Петр I в качестве главного рычага модернизации выбрал войну с сильной Швецией как способ радикально изменить «правила игры» — не только открыть прямую торговлю России с Западной Европой, но и включить ее в число «великих держав». На примере петровских реформ, почти совпавших с Северной войной, хорошо видно, что военная мобилизация может в догоняющей стране сыграть роль «большого толчка», создавая предпосылки для всех остальных качественных преобразований. В то же время сформировавшаяся при Петре I «модернизация ради побед» инициировала опасную для России как страны догоняющего развития тенденцию, когда военные успехи тормозят кажущееся уже ненужным продолжение национальной модернизации, а военные неудачи его стимулируют.

Ключевые слова: петровские реформы, модернизация, догоняющее развитие, компаративистский подход, институциональный подход, мир-системный анализ, промежуточные институты, «восточный деспотизм».

¹ Латов Юрий Валерьевич — д.соц.н., к.э.н., главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; e-mail: latov@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7566-4192.

Цитировать статью: Латов, Ю. В. (2023). Петровская модернизация — «военное чудо» вместо «экономического чуда»? *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 62–81. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-4>.

Yu. V. Latov

FCTAS RAS (Moscow, Russia)

JEL: D91, L80, M31

PETROVSKAYA MODERNIZATION — “WAR MIRACLE” INSTEAD OF “ECONOMIC MIRACLE”?

In modern Russia Peter the Great, according to representative opinion polls, is considered to be the best figure in the entire history of the country, significantly outstripping in popularity even domestic politicians of the 20th–21st centuries. This very high “folk” reputation significantly contradicts the views of social scientists who see in Peter I not so much a successful national reformer, a “revolutionary on the throne”, but a despot unscrupulous in his means, who for centuries to come linked modernization of the country with increased state coercion and heavy wars. However, comparative approach shows that other countries of catching up development pattern in the XVIII–XX centuries followed as a rule not the path of evolutionary reform but that of radical reforms aimed primarily at strengthening the army. Peter’s Russia stands out against this background only in that it was the first to choose “modernization for the sake of military victories” and therefore, since the time of Peter I, remained among the “great powers” despite constant socio-economic backwardness. The legitimacy of this choice can be substantiated with the help of a world-systems analysis that emphasizes the great role of national sovereignty for the success of catch-up modernization. In fact, Peter I chose the war with strong Sweden as a main lever of modernization and a way to radically change the “rules of the game” — not only to open direct trade between Russia and Western Europe, but also to include it in the “great powers”. The example of Peter the Great’s reforms, which almost coincided with the Northern War, clearly shows that military mobilization can play the role of a “big push” in a country that is catching up, creating the prerequisites for all other qualitative transformations. At the same time, “modernization for the sake of victories” that took shape under Peter the Great initiated a trend that is dangerous for Russia as a country of catching up development, when its military successes hindered the seemingly unnecessary national modernization, with military failures stimulating it.

Keywords: Peter’s reforms, modernization, catch-up development, comparative approach, institutional approach, world-system analysis, intermediate institutions, “oriental despotism”.

To cite this document: Latov, Yu. V. (2023). Petrovskaya modernization — “war miracle” instead of “economic miracle”? *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 62–81. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-4>.

Современная Россия находится на пороге (или, возможно, уже в процессе) очередной крупной бифуркации (развилки) — смены аттрактора

(вектора) социально-экономического развития. Это естественным образом стимулирует высокий интерес к предыдущим крупным развилкам российской цивилизации. Такой интерес связан еще и с тем, что все ее бифуркации последних 500 лет прямо или опосредованно связаны с одной мегазадачей — с преодолением отставания России от Западной Европы. В «диалоге», который Россия и Запад ведут со времен, по меньшей мере, Ливонской войны Ивана Грозного, позиция России («учиться у Европы» или «поучать Европу») не раз менялась. Но крутые виражи геополитического соперничества не изменяли общего российского взгляда на Западную Европу как на некий стандарт, который нужно «догнать и перегнать». И этот взгляд четко сформировался именно при Петре Великом.

Обращение к началу многовековой российской «гонки за лидером» позволяет ставить и более-менее спокойно комплексно обсуждать те острые общетеоретические вопросы, объективному обсуждению которых на более свежих фактах препятствует «злоба дня». Речь идет о понимании возможностей и границ использования государственного принуждения и войн для национальной модернизации. Именно эти вопросы, связанные в значительной степени с проекцией проблем XXI в. на XVIII в., и будут далее рассматриваться в контексте тех теорий социально-экономических систем, которые изучают разные аспекты феномена догоняющего развития.

Петр I — первый среди великих россиян

Для понимания объективной роли Петра Великого в истории России целесообразно обращаться не только к научной литературе, где противоречивые суждения сталкиваются уже третье столетие (Баггер, 1985; Петр Великий, 2003), но и к репрезентативным социологическим опросам современных россиян. Такой подход правомерен, поскольку отраженная в опросах репутация исторических персонажей является в конечном счете опосредованным отражением их репутации в элитных кругах, скорректированным на «простонародную» историческую память, хотя и с поправкой на текущий пропагандистский дискурс.

Проведенный в марте 2021 г. общероссийский социологический опрос по репрезентативной выборке показал (табл. 1)¹, что именно Петр I является в глазах россиян лучшим — самым популярным — государственно-политическим деятелем за всю историю России (Андреев, 2022). Он не просто оказал преимущественно положительное, по мнению подавляющего большинства (почти 2/3 россиян), влияние на «жизнь народа», но и лидирует в этой роли с большим отрывом. Собственно, он единственный

¹ Соответствующий закрытый вопрос в анкете звучал следующим образом: «Кто из государственных и политических деятелей нашей страны, с Вашей точки зрения, оказал положительное, а кто — отрицательное влияние на жизнь народа?». Здесь и далее используются данные социологических опросов, организованных Институтом социологии ФНИСЦ РАН.

исторический персонаж, о чьей роли положительно отзывается более половины россиян. Даже следующий за ним в топ-10 Владимир Креститель считается деятелем, оказавшим положительное влияние, чуть менее чем половиной россиян. Персонажи же новейшей российской истории в этой иерархии симпатий либо находятся заметно ниже Петра Великого (так, влияние Ленина и Сталина считают однозначно положительным более чем вдвое реже), либо вообще «уходят в минус» (в частности, Н. Хрущев получил по разнице положительных и отрицательных баллов –11, а Б. Ельцин — даже –55).

Таблица 1

**Топ-10 исторических деятелей России, 2021 г., % опрошенных
(перечень упорядочен по положительным оценкам их влияния)**

Место	Исторические деятели	Оценки влияния на развитие страны			(I) – (II)
		Положительное (I)	В чем-то положительное, в чем-то отрицательное	Отрицательное (II)	
1	Петр I	62	32	3	59
2	Владимир Креститель	49	32	3	46
3	Екатерина II	46	43	6	40
4	В. В. Путин	40	47	10	30
5	Л. И. Брежнев	36	48	12	24
6	П. А. Столыпин	32	42	9	23
7	В. И. Ленин	27	51	19	8
8	И. В. Сталин	26	53	19	7
9	Николай II	25	51	13	12
10–12.	Александр II	21	53	8	13
	Александр I	21	53	9	12
	Иван IV Грозный	21	54	19	2

Критики могут сказать, что на современное «народное мнение» об исторических персонажах очень сильное влияние оказывают пропагандистские дискурсы последнего десятилетия, доказывающие необходимость для России борьбы с Западом. Однако если посмотреть материалы общероссийского репрезентативного опроса десятилетней давности¹, то обна-

¹ Соответствующий закрытый вопрос в анкете 2012 г. звучал так: «Кто из деятелей прошлого и настоящего, с Вашей точки зрения, более всего способствовал (или способствует) осуществлению массовых народных чаяний (ожиданий), был или является символом мечты Вашего народа?». В предложенном респондентам списке предлагалось отметить не более трех позиций.

руживается, что и в 2012 г. общая иерархия была в целом такой же: Петр Великий с большим отрывом возглавлял топ-10, а за ним тесно шли все те же политики новейшего времени плюс Екатерина II, Владимир Креститель и Иван Грозный (табл. 2). Даже соотношение рангов исторических деятелей за прошедшие годы почти не изменилось (например, Ленина ценят немного выше Сталина, а Иван Грозный находится в конце топ-10).

Таблица 2

**Топ-10 исторических деятелей России, 2012 г., % опрошенных
(перечень упорядочен по положительным оценкам)**

Место	Исторические деятели	Доля респондентов, считающих этих деятелей способствующими осуществлению ожиданий народа
1	Петр I	33
2–3	Политики современной эпохи (Путин, Медведев и др.)	14
	Святые подвижники (Сергий Радонежский, Серафим Саровский и др.)	14
4	Екатерина II	12
5	В. И. Ленин	10
6	И. В. Сталин	9
7	Владимир Святитель	8
8	Иван IV Грозный	5
9–10	Л. И. Брежнев	4
	Степан Разин	

Конечно, подавляющее большинство россиян судят о Петре Великом не по научным трудам, а по «Полтаве» А. С. Пушкина, «России молодой» Ю. Германа и «Тоболу» А. Иванова, равно как об Иване Грозном — по «Князю Серебряному» А. К. Толстого (чаще даже не столько по книгам, сколько по их экранизациям). Но долгосрочно-популярные художественные произведения на историческую тему, как правило, потому и популярны, что резонируют с общественными умонастроениями, уходя от пропагандистской однозначности. Так, в контексте обсуждения Петра I симптоматично, что идеализированный образ Петра Первого из одноименного романа А. Н. Толстого, написанного в сталинские времена, давно ушел на периферию российской культуры, а в популярных произведениях последних десятилетий первого императора принято показывать неоднозначной личностью, что гораздо ближе к объективным фактам.

Высокая устойчивость популярности таких исторических персонажей, как Петр I, Владимир Креститель, Екатерина II, В. И. Ленин, И. В. Ста-

лин и Иван IV, позволяет легко выделить два критерия популярности. Чтобы получить почетное место в российской исторической памяти, надо либо вести успешные войны, либо осуществлять успешные реформы, а лучше — сразу то и другое (как не только Петр Великий, но также Ленин и Сталин). Но там, где общественное сознание видит явный критерий успешности, академическая наука (не только историческая) видит не менее явную проблему.

Неоднозначность современного положения России, которая бросает геополитический вызов всему «коллективному Западу», но по среднему ВВП не может пока догнать Португалию, автоматически бросает тень на всю предшествующую историю российской цивилизации. Законодательно предложено считать традиционной для россиян ценностью «приоритет духовного над материальным», однако многовековое отставание России от Запада в материальном производстве и уровне жизни остается устойчивой отрицательной характеристикой национального развития, которое вряд ли может компенсироваться предполагаемой высокой духовностью. Поэтому под знаком определенного сомнения оказываются и все прежние реформы, которые в конечном счете (т.е. к настоящему времени) дали «не совсем» успешные экономические результаты, и даже все ранее выигранные Россией войны, которые, как нередко думают, лишь разоряли страну ради сомнительных внешнеполитических амбиций правящей элиты.

Все эти сомнения полностью относятся и к свершениям Петра I. Их высказывали уже в XVIII в., а в XIX в. четко определилось противостояние почитателей Петра Великого и его обвинителей, которое тянется до сих пор. Критика раздается в наши дни со стороны носителей либеральных взглядов, осуждающих петровский деспотизм; почитателям ближе государственный подход, предполагающий оправдание «деспотизма ради прогресса». Противоречивый взгляд современных обществоведов на свершения Петра I прекрасно передан Е. В. Анисимовым в его популярной книге «Петр Первый. Благо или зло для России?». Она построена как диалог современного почитателя и современного критика Петра I, как своеобразная шахматная партия, которую автор — ведущий российский историк эпохи Петра Великого — разыгрывает сам с собой, приводя аргументы «за» и «против». И эта партия завершается вничью следующим финальным выводом: «Слушатель-читатель требует конкретного ответа. Не знаю я его» (Анисимов, 2017, с. 266).

Конечно, баланс аргументов «за» и «против» преобразований Петра Великого неустойчив и легко смещается, реагируя не столько на новые факты о XVIII в., сколько на свежие события XXI в. Так, на конференции «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России» в сентябре 2022 г. (в разгар СВО на Украине) Е. В. Анисимов высказал в основном критические аргументы своей книги. У других

докладчиков (например, у Р. М. Нуреева, А. П. Заостровцева, П. А. Ореховского) тоже активно звучала критика преобразований первого российского императора, укрепивших экстрактивные институты власти-собственности. Противоречивость настоящего автоматически повышает противоречивость оценок предшествующего развития, создавшего путь к вот этому не очень уютному настоящему. Вряд ли есть сомнения, что если бы СВО на Украине развивалась по модели «молниеносного» российско-грузинского конфликта 2008 г., то и текущие оценки реформ Петра Великого были бы гораздо менее критическими.

Чтобы приблизиться к объективному пониманию роли Петра I, нужно отвлечься от «злости дня» и попробовать взглянуть на петровскую эпоху в контексте длительных (многовековых) тенденций развития не только России, но и современной мир-системы в целом.

Россия петровской эпохи — первая среди догоняющих

Понимание проблем российской истории связано с принципиальной нерешаемостью вопроса, являются ли русские, говоря словами Р. Киплинга, «самым западным из восточных народов» или «самым восточным из западных». Сама постановка этого вопроса и его *очень* длительное (начавшееся задолго до Киплинга и не завершившееся до сих пор) обсуждение говорит об объективно промежуточной роли российской цивилизации в дилемме «Запад — Восток». Собственно все страны православной культуры (не только Большая Россия, включающая Украину и Белоруссию, но и балканские государства) являются географическим фронтиром между Западом и Востоком, а потому соединяют — чаще противоречиво, чем гармонично, — черты обеих этих мегацивилизаций. Но в том, что касается социально-экономической модернизации, Россия исторически однозначно относится не к Западу, который своим внутренним развитием сформировал институты нового общества (рыночное хозяйство, конкуренция, урбанизация, секуляризация, массовое образование и т.д.), а к Востоку: ей критерии модернизации исторически были заданы тоже в основном внешними обстоятельствами, к которым приходилось адаптироваться.

Российская дворянская элита впервые осознала свою отсталость от Западной Европы во время Смуты начала XVII в., хотя первые симптомы обозначились еще при провале Ливонской войны Ивана Грозного. Эта отсталость проявлялась, прежде всего, в сфере военных технологий, когда финальные победы над армиями Речи Посполитой (не лучших в Европе) достигались у стен Кремля буквально на пределе возможностей и не предотвращали территориальных потерь. Поэтому главным уроком Смуты стало осознание необходимости «учиться у Европы». При первых Романовых ориентация на Европу (причем не очень последовательная) оставалась прерогативой лишь самых высших (столично-придворных) слоев

правлящей элиты. Массовое же (пусть только среди дворянства) восприятие Западной Европы как желаемого стандарта началось именно со времен Петра I, когда «европеизация» стала не сомнительной придворной модой, а принудительно внедряемым образом жизни.

Последующие два столетия, с начала XVIII в. до начала XX в., прошли с постоянной оглядкой на опыт «страны святых чудес», какой признавали Европу даже славянофилы. Российская империя сознательно старалась стать «не хуже Запада», не потеряв при этом своей культурной самобытности. Это — *догоняющее развитие, понимаемое как избирательно-копирующая модернизация*: отстающая страна целенаправленно копирует те институты более передовых стран, которые кажутся ей наиболее важными, чтобы сравняться с ушедшими вперед (см. (Нуреев, Латов, 2016, с. 68–73)).

Российский опыт догоняющего развития одновременно зауряден и уникален.

Он зауряден, поскольку схожие задачи объективно стояли, начиная с XVII в., перед большинством стран мира. Действительно, до этого «переломного» века преимущества западноевропейской цивилизации были не очевидны: даже в XVI в., когда европейцы завоевали Америку, турки небезуспешно пытались завоевать саму Европу, доходя до Вены. Но закончившаяся разгромом турок вторая осада Вены (1683 г.) обозначила решительный перелом многовекового (со времен античных греко-персидских войн) силового противоборства западных и восточных обществ. После этого превосходство Запада над Востоком (и не только на полях сражений) стало неоспоримым: «Все будет так, как мы хотим. На случай разных бед, У нас есть пулемет “Максим”, У них “Максима” нет». Отдельные исключения (например, поражение Великобритании в Афганистане в 1841 г.) оставались именно локальными исключениями, лишь подтверждающими общее правило. Поэтому почти все незападные страны, от Латинской Америки до Японии, должны были либо становиться сателлитами западных стран и пассивными объектами их «разборок» (как, например, страны Индостана), либо поспешно осуществлять модернизацию — сначала армии, а потом и всех остальных институтов, поскольку военная сила нации есть функция от конкурентоспособности ее институциональной системы в целом (см. (Нуреев, Латов, 2016, с. 21–22)). В этом ряду «модернизаций ради военных побед» Россия была лишь одним из многих «участников забега», стран догоняющего развития.

В то же время российский опыт модернизации уникален тем, что ни одна другая отстающая страна мира не имела в своем распоряжении так много времени. В концепции А. Гершенкрона (Гершенкрон, 2015) Россия выглядит лишь одной из стран второго эшелона развития капитализма (наряду со странами Восточной Европы, Турцией, Японией), что затеняет ее историческое первенство. Действительно, в Турции модернизирующее реформирование армии и общества началось лишь с 1790-х гг., латино-

американские государства получили возможность «догонять» только после получения независимости в 1820-х гг., Китай и Япония включились в догоняющее развитие лишь с 1860-х гг., страны Черной Африки — вообще в XX в. Петр Великий выбрал курс сознательной ориентации на Европу, не менее чем на век опередив других модернизаторов из стран второго эшелона.

История поставила в России своего рода эксперимент: есть страна с социокультурными корнями, близкими к западноевропейским, с большими (но труднодоступными и потому не обрекающими на «ресурсное проклятие») природными ресурсами и с тянущейся к Европе элитой; сможет ли она «стать Европой», имея к тому же в силу субъективных обстоятельств «фору» в целый век в сравнении с другими «участниками забега»? Результат российского догоняющего развития получился столь же двусмысленным, как и ее положение в дилемме цивилизаций «Восток — Запад». Причем эта двусмысленность — противоречивое сочетание прорывов и отставаний — наблюдалась постоянно, даже в периоды наивысших российских геополитических и геоэкономических успехов. Правда, такая неоднозначность результатов модернизации типична для подавляющего большинства стран догоняющего развития. «Догнать и перегнать» однозначно получилось пока только у некоторых дальневосточных стран (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), которые начали догоняющее развитие в числе последних, но к концу XX в. смогли успешно включиться в постиндустриальный тренд, качественно уже не отличаясь по экономическим характеристикам от стран западноевропейской культуры. Историкам-компаративистам еще предстоит изучить, какие факторы «дальневосточного чуда» оказались более значимыми — особенности конфуцианской культуры («философской религии», существенно облегчающей секуляризацию и просвещение) или преимущества позднего старта, дающего возможность копировать наиболее зрелые достижения Запада.

Взгляд на Россию петровской эпохи как не на уникальный национальный кейс, а на «всего лишь» первый среди многих опыт сознательного догоняющего развития, позволяет снять многие «претензии» к Петру Великому. Они сводятся по большому счету к двум моментам — к систематической жестокости этой харизматичной личности и, что важнее, к системному противоречию между целями и методами петровской модернизации, из-за чего многие методы скорее тормозили достижение модернизационных целей, чем приближали их. У критически пишущих о Петре I (включая не только публицистичного А. Буровского (Буровский, 2008), но и академичного Е. Анисимова) регулярно встречается мысль, что петровская «революционная» модернизация насильственно прервала начавшуюся до него при первых Романовых эволюционную модернизацию, которая бы могла дать гораздо лучшие результаты. Сравнительный подход показывает, однако, что желанная гуманная и плавная модерниза-

ция исторически не наблюдалась ни в одной догоняющей стране, что доказывает утопичность упований на нее.

Действительно, историю какой бы страны догоняющего развития ни взять, везде легко увидеть аналогов Петра Великого — харизматических государственных лидеров, которые принудительно «втаскивали» страну в прозападную модернизацию радикальными до жестокости методами. Некоторым исключением является, пожалуй, только Индия, главный лидер-модернизатор которой Махатма Ганди был своего рода анти-Петром, принципиальным сторонником ненасилия. Но львиную долю жестокой модернизаторской работы до Ганди выполнило «британское владычество в Индии», о чем писал еще К. Маркс, а преемникам Ганди все же пришлось не раз для достижения модернизационных целей использовать насильственные методы.

Высокая успешность Петра I как реформатора при сравнительном анализе видна в том, что в других странах его функцию обычно приходилось выполнять не одному, а нескольким историческим персонажам. Это хорошо видно на примере соседней Турции, правители которой лучше знали и могли непосредственно учитывать опыт петровской России. Первым султаном-реформатором являлся Селим III, который успел в 1790—1800-х гг. составить план преобразований (включая в первую очередь переход к регулярной армии), но был убит восставшими янычарами. Его продолжателем в 1820—1820-х гг. стал Махмуд II, которого историки прямо сопоставляют с Петром Великим — в частности, за жестокое подавление мятежа янычар, очень похожее на ликвидацию Петром I стрельцов. Завершителем прозападных реформ стал уже в начале XX в. Кемаль Ататюрк, который не только секуляризировал страну, но и, в частности, запретил традиционные для Турции фески, подобно тому как Петр I запрещал традиционные для России бороды.

Опыт Турции хорошо показывает, что стремление осуществлять модернизационные реформы в более медленном режиме похоже на стремление «гуманно» рубить хвост по частям. Процесс перехода превращается из одного скачка в несколько, перемежаемых паузами и откатами, из-за чего переход удлинится в несколько раз, а сокращение негативных издержек перехода совсем не очевидно. В частности, Турция избежала раскола нации на модернизированную элиту и традиционалистский «народ», от чего Россия сильно страдала вплоть до 1920—1930-х гг., но потеряла большую часть Османской империи, в то время как Россия сочетала модернизацию с сохранением и даже расширением государственной территории. Правда, среди либералов популярно мнение, что российская имперскость есть едва ли не главный тормоз национальной модернизации (достаточно вспомнить «Бесконечную империю» (Абалов, Иноземцев, 2021)). Однако крупная страна при прочих равных однозначно имеет преимущества перед малой благодаря хотя бы лучшим возможностям для межрегионального разделе-

ния труда и развития внутреннего рынка. Поэтому современная Россия, раскинувшаяся от Балтийского моря до Тихого океана (в этих масштабах она сформировалась именно при Петре Великом), имеет заметно лучшие перспективы, чем Турция, «свежившаяся» при постепенном распаде Османской империи почти до границ XIV в.

Войны Петра I как инструмент повышения ранга России в мир-системе

Определенным преимуществом — и одновременно ахиллесовой пятой — российского опыта модернизации является органичное сочетание социально-экономической модернизации с военными успехами. Военная победа воспринимается как однозначное свидетельство правильности радикальных перемен, позволяя сплотить вокруг них если не нацию в целом, то хотя бы ее элиту. Но у этой закономерности есть и обратная сторона: если поражение страны в силовом конфликте стимулирует внутренние преобразования, «работу над ошибками», то победа провоцирует успокоенность, отказ от качественных изменений. Поэтому когда анализируют догоняющее развитие, то обычно априори подчеркивают, что страна должна концентрироваться на решении своих внутренних проблем, избегая внешнеполитических «авантюр». Дальневосточные «экономические чудеса» 1960—1990-х гг. (японское, южнокорейское, китайское...), казалось бы, доказывали полезность минимизации внешнеполитической акторности догоняющих стран. Этот либеральный дискурс актуализировался в последние годы в связи с российско-украинским конфликтом.

Однако история стран догоняющего развития демонстрирует много примеров, когда высокая (даже агрессивная) внешнеполитическая активность успешно вписывалась в курс национальной модернизации. Самый известный пример — это революция Мэйдзи в Японии, которая очень быстро перешла в военную агрессию сначала против слабых Кореи и Китая, а потом и против России. Менее известно, что радикально-реформаторская деятельность младотурков и Кемаля Ататюрка тоже тесно связана с участием Турции в Первой мировой войне, сразу перешедшей в серию реваншистских войн «за независимость Турции» (включавшей возвращение и ряда территорий с преимущественно греческим и армянским населением, подвергшимся геноциду). Даже «миролюбивая» Индия сразу после получения независимости участвовала в 1950—1960-х гг. в серии масштабных военных конфликтов с Пакистаном и КНР, а возвращение португальского Гоа вообще произошло в результате военной операции.

В этом же ряду находится петровская модернизация, которая совпала с непрерывными войнами. Действительно, едва в 1694 г. началось самостоятельное правление Петра (после смерти его матери Наталии Нарыш-

киной), как он организовал Азовские походы 1695–1696 гг. против турок. Большую часть его правления заняла Северная война 1700–1721 гг. со шведами, параллельно с победами в которой Петр I проиграл в 1710–1713 гг. войну с Турцией, а под финал он успел успешно повоевать и с Персией (Каспийский поход 1722–1723 гг.). Из 31 года своего правления Петр не воевал лишь менее пяти лет. Соответственно, все его социально-экономические реформы, как справедливо подчеркнул на конференции Р. М. Нуреев, были либо прямо связаны с потребностями снабжения армии (производство оружия и амуниции, сбор налогов для содержания армии), либо предполагали военную централизацию государственной политики.

Для понимания, почему догоняющее развитие гораздо чаще связано с повышением национальной военной активности, чем со снижением, надо обратиться к идущему от идей И. Валлерстайна (Валлерстайн, 2015–2016) и его единомышленников (Ф. Бродель, Дж. Арриги, Б. Ю. Кагарлицкий и др.) мир-системному анализу.

Как известно, мир-системный анализ полемизирует с изучением развития отдельных стран как самодостаточных социально-экономических систем, на которую другие страны оказывают лишь относительно второстепенное влияние. На самом же деле подавляющее большинство стран вынуждены во многих аспектах «играть» по тем правилам, которые выработаны вовсе не ими самими. Это динамичное деление стран мира на те, которые вырабатывают общие «правила игры», и те, которые их принимают, длится, согласно теоретикам мир-системного анализа, уже более пяти столетий. Принципиально важная характеристика мир-системы — неравенство ее стран-участниц, которые по критерию силы (т.е. способности генерировать и навязывать «правила игры») делятся на ядро, полупериферию и периферию. Слабые страны периферии наименее суверенны, вынуждены подчиняться давлению сильных стран, а сильнейшие страны ядра, наоборот, максимально самостоятельны в выборе не только своего пути развития, но и «правил игры» для себя и других стран мира. Поэтому отставание стран периферии и полупериферии (включая Россию) объясняют не только их «плохими» внутренними институтами, но и «плохими» глобальными «правилами игры», которым они вынуждены следовать. Страны ядра навязывают более слабым странам такую экономическую специализацию и такую политику, которые сохраняют лидерство ядра. Ранг и взаимоотношения стран в мир-системе очень существенно зависят именно от военной силы — от способности конкретной страны противодействовать давлению извне и самой оказывать давление на соседей.

Россия — классический пример полупериферийной страны, которая с XVII–XVIII вв., с самого начала своего «подключения» к западноевропейской мир-системе, в одних аспектах принимала «чужие» правила, а в других сама их диктовала, причем, как и любая догоняющая страна,

стремилась меньше подчиняться и больше диктовать самой. Для понимания истории развития России как актора мир-системы надо обратить внимание на высокую динамичность этой системы. Страны постоянно активно конкурируют друг с другом в самых разных формах — от чисто экономических и культурных до чисто военно-силовых, стремясь повысить свою позицию в «табели о рангах». Внутри ядра идет борьба за роль абсолютного мирового лидера. Например, как раз во время Северной войны в Западной Европе шла Война за испанское наследство — в очередной раз за европейское доминирование боролись Великобритания и Франция. Страны полупериферии, в свою очередь, либо настойчиво рвутся в ядро при помощи как «экономических чудес», так и чисто военно-политических акций, либо пытаются отбиться от слишком сильного ограничения их самостоятельности.

Военные методы способны при успехе резко повысить ранг победителя (как это произошло, например, с Японией после русско-японской войны 1904—1905 гг.), создав к тому же сильный долгосрочный эффект национальной консолидации. Однако военные неудачи сильно затягивают модернизацию страны (как в Турции, где регулярные военные поражения на протяжении XIX в. постоянно портили восприятие реформ, а точка невозврата оказалась окончательно пройдена только после побед Кемаля Ататюрка). Поэтому вступление России в самом начале петровских реформ в Северную войну со Швецией, армия которой еще в XVII в. завоевала репутацию лучшей в Европе, объективно походило на «русскую рулетку». Царь Петр заведомо готовился не к «маленькой победоносной войне», а к долгому военному противоборству. Проигрыш России в этой войне привел бы, скорее всего, к ее дальнейшему развитию в лучшем случае по пути Турции (затяжные реформы с приливами и отливами), а в худшем — по пути Китая (поздние реформы под угрозой потери суверенитета) или даже Индии (реформирование как (полу)колонии Швеции). Но Петр I смог соединить комплексное национальное реформирование с военными победами над очень сильным противником. Парадоксальное пушкинское выражение «*Россию* вдруг он *оживил войной*» подходит к Петру I неизмеримо лучше, чем к его дальнему потомку Николаю I.

В результате Швеция по итогам Северной войны из числа великих держав Европы вышла, а Россия в их число вошла. Это — настоящее «военное чудо», которое смогло для России отчасти заменить «экономическое чудо». Сложившаяся при Петре Великом диспропорциональная модернизированность России, когда страна достаточно сильна в военном отношении, чтобы поддерживать статус великой державы (пусть и второго ряда), но существенно отстает в экономическом отношении даже от невеликих западноевропейских стран, наблюдается уже четвертое столетие.

«Восточный деспотизм» Петра I как промежуточный институциональный комплекс

У догоняющего развития мобилизационного типа, модель которого Петр I продемонстрировал первым в истории, есть органические минусы, которые хорошо видны с 300-летней дистанции. Именно на них чаще всего обращали внимание выступающие на конференциях про **«Парадоксы петровских преобразований...»**: разорение населения из-за повышения налогов в несколько раз; рост бюрократического аппарата, обреченного на коррупцию из-за систематической задержки жалования; утрированный государство-центризм, буквально реализующий удачно придуманный К.-А. Виттфогелем лозунг «Государство сильнее, чем общество» (Wittfogel, 1957). В сущности при критическом обсуждении петровских реформ всплывают почти все характеристики обществ «восточного деспотизма» («азиатского способа производства») с господством собственности. Это заставляет предположить, что за фасадом устремленных в будущее «мифических» (по мнению П. А. Ореховского) петровских реформ реально скрывалась институциональная архаизация. Подобные обвинения в консервативной модернизации, кстати, типичны для обсуждения радикальных реформаторов стран догоняющего развития и XX–XXI вв., от В. И. Ленина до Уго Чавеса.

Рассматривая институциональные изменения петровской эпохи, нельзя не признать, что для россиян петровские времена обернулись едва ли второй опричниной. Можно согласиться с Б. Н. Мироновым, что при первом императоре государственное закрепощение дворянства достигло апогея (Миронов, 2003, т. 1, с. 363), которому позавидовал бы Иван Грозный. Если в XVII в. условия дворянской службы начали было либерализоваться, то в петровские времена все дворяне стали жестко обязаны служить с 15 лет до конца жизни, причем обязательно с низших чинов. Если дворянин не являлся в полк или государственное учреждение, к которому приписан, его могли наказать кнутом (по указу 1720 г.) или «просто» лишить имения. Получение образования стало государственной повинностью — неграмотным дворянам запрещалось жениться. При необходимости государь мог приказать любому дворянину переселиться на новое место: подобно тому как Иван III выселял новгородских бояр, Петр I в приказном порядке заселял дворянами-«переселенцами» Санкт-Петербург. Конечно, в России жестокость законов всегда сглаживалась избирательностью их применения, но ужесточение государственного принуждения в петровской России является неоспоримым фактом.

Для взвешенного понимания роли петровских (и других подобных) реформ есть смысл, однако, вспомнить концепцию В. М. Полтеровича и А. А. Аузана о промежуточных институтах. А. Аузан, активно популяризирующий эту идею (Аузан, 2022), справедливо указывает, что при ради-

кальном реформировании, качественно меняющим национальную социально-экономическую систему, опасно стараться переменить все и сразу. Комплекс качественных институциональных инноваций может войти в слишком резкое противоречие с традиционной культурой, что чревато временным срывом модернизационных процессов (как это было, например, не только в Турции при Селиме III, но и в Иране во время Исламской революции 1979 г.). Поэтому рекомендуется применять не тотально-новое, а «новое как неожиданно примененное старое». Сущность стратегии промежуточных институтов, согласно В. М. Полтеровичу, заключается в «создании желательного института путем построения цепочки сменяющих друг друга институтов, т.е. путем построения институциональной траектории, которая соединяет исходный институт с желаемым. [...] Самое главное здесь — это понимание, что вовсе не обязательно копировать самый передовой, самый прогрессивный институт» (Полтерович, 2007, с. 11). Промежуточные институты «неидеальны» с точки зрения стандартных представлений, как должны выглядеть институты в развитой стране, но они позволяют двигаться к модернизационному идеалу, не вступая в клинч с традиционной культурой. В качестве примера такого «обновленно-старого» института Аузан называет южнокорейские чёболи — крупные бизнес-организации, использующие традиционные клановые связи. Примеры такого рода положительного применения того, что считалось чистой архаикой и абсолютным тормозом в процессе модернизации, легко преумножить: это — развивающийся с 1970-х гг. исламский банкинг; конфуцианская этика как духовная основа дальневосточных моделей капитализма; реставрация императорской власти в Японии 1860-х гг. как метод перехода к тотальному реформированию страны; и т.д. Но предложенный А. А. Аузаном подход можно распространить и глубже в историю при оценке роли гораздо более широкого набора институтов. А не является ли петровская «азиатско-деспотическая» модернизация (использование традиционной власти-собственности ради прогрессивных преобразований) в целом именно промежуточным институциональным комплексом — инструментом достижения модернизационных целей (рыночное хозяйство, урбанизация, секуляризация и т.д.) через несколько поколений?

Выдвинутое предложение вряд будет вполне соответствовать мнению самих авторов концепции промежуточных институтов, поскольку предлагаемая ими «социальная инженерия» предполагает автора (или авторов) проекта долгосрочной модернизации, сознательно спроектировавшего последовательный переход от одних институтов к другим и контролирующего его. Растянутое же на несколько поколений супердолгосрочное институциональное проектирование больше похоже на научно-фантастическое «Основание» Айзека Азимова, чем на реальную историю. Нет никаких сведений, чтобы кто-либо из великих модернизаторов строил долгосрочные планы институциональных реформ, выходящие за пределы их личной

жизни. Однако так ли нужна осознанная нацеленность на многодесятилетнюю долгосрочность для создания отдельных промежуточных институтов и даже их системы? Быть может, достаточно общей установки на синтез новых целей с традиционными культурными нормами?

На примере петровских реформ хорошо видно, что хотя Петр I не оставил своим наследникам никаких планов (всплывшее в XIX в. «Завещание Петра Великого» с долгосрочной программой завоеваний — лишь фальшивка), и сами эти наследники оставляли желать лучшего, но созданная им система тотального государственного закрепощения оказалась именно промежуточным институциональным комплексом. Ведь ориентация на Западную Европу как на образец для подражания (пусть и далеко не тотального) была главным элементом политики Петра Великого и всех его потомков, а потому независимо от того, что именно они сознательно хотели заимствовать, в «прорубленное окно» просачивалось и все остальное — включая то, что правящая элита не замечала или отвергала. В частности, переход от апогея государственного закрепощения дворян к их раскрепощению произошел через цепочку институциональных изменений за срок одной человеческой жизни. Уже при Анне Иоановне в 1730-х гг. дворянам стало можно, записавшись в армию с детства, фактически начинать служить уже офицером, а срок их обязательной службы снизился с пожизненного до 25 лет. Наконец, Манифест о вольности дворянства Петра III 1762 г. сделал государственную службу делом личного пожелания дворянина, еще через полвека началось активное обсуждение и вольности крестьянства. Вряд ли Петр I думал, загоняя дворян на госслужбу едва ли не кнутом, что тем самым он создает условия для их освобождения от этой службы менее чем через 40 лет после своей смерти. Но объективно получилось именно так: мобилизационное развитие петровской эпохи в конечном счете настолько изменило «правила игры», что потомственное дворянство как класс «служилых людей» стало уже через пару поколений не слишком нужным. А попытки Павла I вернуться к методам Петра I быстро закончились «апоплексическим ударом в висок», поскольку эмансипация дворян приняла необратимый характер (Нуреев, Латов, 2018, с. 78–81).

Проблема заключается в том, что многие институты, вполне терпимые как промежуточные, имеют тенденцию превращаться в «окончательные». Именно так произошло в России (и не только в ней) с институтом государственного регулирования, когда «вертикаль власти» воспринимается не столько как инструмент решения других проблем (например, развития правового общества), сколько как самоценность, ради которой можно жертвовать едва ли не всем остальным (включая ту же законность). Это связано с органическим противоречием догоняющего развития, которое всегда возглавляется государством (правителем и (или) политической элитой), роль которого по итогам этого развития должна снизиться в силу

передачи части функций возникшему гражданскому обществу. Государственный аппарат объективно должен «сам себя высечь» и, естественно, стремится вместо этого «высечь» тех, кто стремится умалить «вертикаль власти». Догоняющая модернизация в итоге обречена, даже при высоких начальных успехах, на очень медленное завершение, что хорошо видно на тех же дальневосточных примерах (скажем, в Южной Корее последний раз демонстрантов на улицах расстреливали в 1980 г., уже после начала «экономического чуда»).

В борьбе за прорыв в ядро мир-системы страны догоняющего развития всегда активно используют жестко централизованное (даже авторитарное) управление. Либеральные критики трактуют его (пример Петра Великого — лишь частность) как однозначный тормоз развития. Представляется, что ситуация более сложная (Латов, 2022, с. 108). «Невидимая рука» рынка и демократия решают все проблемы в режиме «шаг за шагом», что затрудняет реализацию крупных (многолетних и дорогих) и радикальных (с высокими рисками) проектов. Не случайно во время войн рынок и демократия даже в XXI в. частично или полностью уступают место госрегулированию и авторитарности. Вспомним, что крупнейшие мировые инфраструктурные проекты, Суэцкий (открыт в 1869 г.) и особенно Панамский (открыт в 1913 г.) каналы, были построены на основе вовсе не чисто рыночной инициативы, а государственно-частного партнерства. Прорывные технологические проекты XX в., атомный и космический, стали в 1940—1970-е гг. результатом тоже госпроектов, причем по обе стороны железного занавеса. Приведенные примеры показывают, что для реализации крупных, долгосрочных и рискованных проектов (а национальная модернизация не может быть иной) «видимая рука» государства имеет ощутимые преимущества.

Поскольку для стран догоняющего развития органичны традиции именно авторитарного централизованного управления, то их использование для модернизации прекрасно укладывается в формулировку А. Аузана «новое как неожиданно примененное старое», но работает одновременно и на приближение модернизации, и на ее отдаление. Эти традиции могут приближать освоение новых технологий (в том числе социальных), но одновременно отдаляют эмансипацию общества от государства. Опыт дальневосточных успехов догоняющего развития показывает, что находить приемлемую для конкретной страны «золотую середину» трудно (Япония искала ее сотню лет), но возможно. Россия пока находится в поиске.

У монополизации государством модернизации с акцентом на военную защиту национального суверенитета (включая нападение на врагов как лучшую защиту от них) есть еще один крупный минус, который редко в явной форме отмечают из-за вытекающих из него «опасных» выводов. Речь идет о неприятной закономерности, когда военные победы вызывают застои (зачем «догонять» тех, кого мы разбили?), а военные поражения,

наоборот, стимулируют реформы. Эти синусоидальные колебания четко видны, например, на истории последнего века Российской империи. Действительно, победы в наполеоновских войнах в 1812—1814 гг. и в серии русско-турецких войн привела к отказу Александра I от планов реформ и к длительной реакции при Николае I. После победы в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Александр II прекратил свои реформы, а при его преемнике Александре III началась новая полоса реакции. Зато поражение в Крымской войне 1853—1856 гг. вызвало Великие реформы Александра II, а после поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг. и спровоцированной ею Первой русской революцией 1905—1907 гг. были созвана Государственная Дума, легализованы политические партии и начаты столыпинские реформы. Эта закономерность вполне проявилась и в петровскую эпоху, когда после блистательной победы в Северной войне ближайшие преемники Петра I на несколько десятилетий прекратили не только реформы, но и, по сути, вообще какие-либо стратегические действия. Такая закономерность ставит в догоняющих странах сторонников перемен перед тяжелым выбором: желать ли своему правительству военных побед, которые чреваты торможением модернизации? Или желать продолжения национальной модернизации ценой поражения своей страны? Правда, сравнительный анализ демонстрирует и другие примеры, когда военная победа не тормозила модернизацию, а, наоборот, давала ей дополнительный импульс: так было в Японии после победы в русско-японской войне 1904—1905 гг. и в Турции после победы кемалистов в «войне за независимость» 1919—1923 гг.

Таким образом, уроки петровских реформ для современной России выглядят крайне неоднозначными, допускающими противоположные истолкования (от «делать всё так же» до «делать все наоборот»). Их можно истолковать как надежду на очередное «оживление России войной»: Петру Великому это удалось 300 лет назад, Кемаль Ататюрк смог сделать в Турции нечто похожее 100 лет назад, чем современные россияне хуже? Но возможен и пессимистический вывод, что России так и не удалось за три столетия завершить начатую при Петре Великом институциональную траекторию, которая соединяет исходную власть-собственность с желаемой эмансипацией общества от государства, из-за чего россияне в который раз вынуждены мириться с перспективой жертвовать своим благосостоянием ради национального суверенитета. Неоднозначность результатов петровских реформ ведет к неоднозначности выводов из них, актуальных для очередной российской «эпохи перемен». Очень высокий имидж Петра Великого в глазах современных россиян и скептицизм специалистов показывают, что ретроспективно такие эпохи воспринимаются очень положительно, но живущим непосредственно в такой эпохе лучше видны издержки деяний реформаторов, в то время как выгоды от них пожинают скорее потомки.

Список литературы

Абалов, А., & Иноземцев, В. (2021). *Бесконечная империя. Россия в поисках себя*. М.: Альпина Паблишер.

Андреев, А. Л. (2022). Реформатор перед судом истории: образ Петра Великого в коллективной памяти россиян. *Социологические исследования*, 4, 136–145. DOI: 10.31857/S013216250018468-7

Анисимов, Е. (2017). *Петр Первый: благо или зло для России?* М.: Новое литературное обозрение.

Аузан, А. А. (2022). *Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа*. М.: АСТ.

Баггер, Х. (1985). *Реформы Петра Великого*. М.: Прогресс.

Буровский, А. М. (2008). *Петр Первый. Проклятый император*. М.: Яуза; Эксмо.

Валлерстайн, И. (2015–2016). *Мир-система Модерна*. Т. I–IV. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.

Гершенкрон, А. (2015). *Экономическая отсталость в исторической перспективе*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Латов, Ю. В. (2022). Концепты и эмпирика транзитного использования российского пространства. *Социологические исследования*, 8, 105–115. DOI: 10.31857/S013216250021067-6

Миронов, Б. Н. (2003). *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)*. СПб.: Дмитрий Буланин.

Нуреев, Р. М., & Латов, Ю. В. (2016) *Экономическая история России (опыт институционального анализа)*. 2-е изд. М.: КНОРУС.

Петр Великий: pro et contra. (2003). М.: РХГА.

Полтерович, В. М. (2007). *Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ*: Препринт WP10/2007/08. М.: ГУ ВШЭ.

Wittfogel, K.-A. (1957). *Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power*. Yale University Press.

References

Abalov, A., & Inozemtsev, V. (2021). *Infinite Empire. Russia in search of itself*. M.: Alpina Publisher.

Andreev, A. L. (2022). A reformer before the court of history: the image of Peter the Great in the collective memory of Russians. *Sociological Research*, 4, 136–145. DOI: 10.31857/S013216250018468-7

Anisimov, E. (2017). *Peter the Great: good or bad for Russia?* M.: New Literary Review.

Auzan, A. A. (2022). *The Cultural Codes of the Economy: How Values Affect Competition, Democracy, and the Welfare of a People*. M.: AST.

Bagger, H. (1985). *Reforms of Peter the Great*. M.: Progress.

Burovsky, A. M. (2008). *Peter the Great. Damn emperor*. M.: Yauza; Eksmo.

Gershenkron, A. (2015). *Economic backwardness in historical perspective*. M.: Publishing house “Delo” RANEPa.

Latov, Yu. V. (2022). Concepts and empiricism of the transit use of the Russian space. *Social Research*, 8, 105–115. DOI: 10.31857/S013216250021067-6

Mironov, B. N. (2003). *Social history of Russia in the period of the empire (XVIII — early XX century)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.

Nureev, R. M., & Latov, Yu. V. (2016). *Economic history of Russia (an experience of institutional analysis)*. 2nd ed. M.: KNORUS.

Peter the Great: pro et contra. (2003). M.: RKhGA.

Polterovich, V. M. (2007). *Institutional Reform Strategies, or The Art of Reform*: Preprint WP10/2007/08. M.: State University Higher School of Economics.

Wallerstein, I. (2015–2016). *The Modern World System*. Vol. I–IV. M.: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science.